

Мухаметова Анна Ильясовна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ГЕЙШИ В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ МИНЕКО ИВАСАКИ "ГЕЙША ИЗ РАЙОНА ГИОН"**

Статья посвящена выявлению английских языковых единиц, отражающих национальный уклад жизни японского общества, жизненные ценности гейш; анализу трансформаций лексических единиц японского языка при передаче в английском дискурсе, гендерно детерминированных лексических единиц и грамматических конструкций английского языка, характерных для речи представителей японской этнической группы. В статье рассматриваются столкновение картин мира представителей западных и восточных стран, лингвистическая репрезентация культурных разногласий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 146-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. **Reid M.** The Headless Horseman. A Strange Tale of Texas. L. – Glasgow – N. Y.: Published by George Routledge and Sons, 1888. 417 p.
18. **Twain M.** The prince and the pauper [Электронный ресурс]. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Mark_Twain/The_Prince_and_the_Pauper/index.html (дата обращения: 21.12.2017).
19. **Wells H.** The War of the Worlds. СПб.: ХИМЕРА, 2001. 224 p.

**THE PECULIARITIES OF RENDERING THE MODAL VERBS CAN, MAY, MUST, WILL/SHALL
WHEN TRANSLATING THE ANGLO-AMERICAN WORKS OF FICTION INTO THE TATAR LANGUAGE**

Mullagaliev Narkiz Kamilevich, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
narkizmoullagaliev@mail.ru

The article examines the peculiarities of preserving the modal meanings of the verbs *can, may, must, will/shall* when translating the Anglo-American works of fiction into the Tatar language. This takes into account the main tendencies of the translation of modal verbs within the framework of existing translations and suggests alternative ways of transforming modal meanings using lexical, morphological, grammatical and stylistic compositions of the Tatar language. In the process of transition from the original language to Tatar, cultural-moral, ethnic and regional fundamentals of literary translation are taken into account. Thus, the study relies not only on factual material, but it also involves the use of comparative linguistics, typology, theory and practice of translation, and cultural studies. An extensive view on the notion “modality” and the use of non-ordinary methods of analyzing the work of fiction make it possible to go beyond the established definitions and expand the field of the modality of the literary text. The work also marks the problem of literary translation from English into Tatar and determines the ways of further research development.

Key words and phrases: linguistics; comparative linguistics; modal words; *can; may; must; will; shall;* theory and practice of translation; the Tatar language.

УДК 811; 111-26

Статья посвящена выявлению английских языковых единиц, отражающих национальный уклад жизни японского общества, жизненные ценности гейши; анализу трансформаций лексических единиц японского языка при передаче в английском дискурсе, гендерно детерминированных лексических единиц и грамматических конструкций английского языка, характерных для речи представителей японской этнической группы. В статье рассматриваются столкновение картин мира представителей западных и восточных стран, лингвистическая репрезентация культурных разногласий.

Ключевые слова и фразы: восточная картина мира; японская культура; западная культура; языковая репрезентация; этнические особенности; гендер; гейша.

Мухаметова Анна Ильясовна

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
ainenacht@yandex.ru*

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ГЕЙШИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ МИНЕКО ИВАСАКИ «ГЕЙША ИЗ РАЙОНА ГИОН»**

В настоящее время наблюдается повышенный интерес Востока и Запада к взаимодействию друг с другом, что, в свою очередь, приводит к увеличению интереса научного сообщества к контактной литературе, написанной на этнически неродном языке. Для более эффективной межкультурной коммуникации необходимо глубоко исследовать картину мира той или иной страны, ее традиции и обычаи, которые неизбежно фиксируются и закрепляются в языке. Тема данной статьи является актуальной, поскольку в ней рассматривается языковая репрезентация национальной японской реалии «гейша» посредством английского языка. Автором исследуются лексические и грамматические языковые средства, отражающие этническую и гендерную принадлежность гейши.

Страны Востока и Запада изначально развивались по-разному, исторически складывались абсолютно несхожие моральные и материальные ценности, взгляды на те или иные ситуации, что отчетливо прослеживается и в сфере языка. Любое различие в жизневосприятии неизбежно находит свое отражение в речи. Простой пример, встречающийся много раз в повседневной жизни, – выражение благодарности. Английское слово *thanks* переводится как «благодарю», тогда как японское «аригато» в дословном переводе на русский означает «вы ставите меня в трудное положение» [2, с. 140]. Этот простой пример наилучшим образом демонстрирует глубину японской ментальности на фоне западной однозначности.

В данной статье рассматривается одно из самых противоречивых явлений Японии, интересующих исследователей по сей день, – загадочный образ гейши. Самый распространенный быденный стереотип, связанный с этим термином во всем мире, и в частности в англоязычных странах, характеризует гейшу как девушку легкого поведения [3]. Это обязательно прекрасная девушка с белым лицом, в красивом кимоно и с сямисеном (национальный музыкальный инструмент) в руках [6]. Стоит начать с того, что на самом деле первыми

гейшами были мужчины. Такой досуг впервые появился в XVII веке, когда отдых мужчин представлял собой обильную трапезу, задушевный разговор и интимные утехы. Тело ублажали специально предназначенные для этого девушки – юдзе, а духовная составляющая была прерогативой мужской части персонала – гейся. Лишь в 1751 году появилась первая женщина, развлекавшая гостей культурными мероприятиями, и десятилетие спустя – профессиональная женщина-гейся [1]. Слово «гейша» является сочетанием иероглифов «гей» (человек) и «ся» (искусство), то есть само по себе это понятие объединяет людей искусства разного пола, тогда как существуют более узкие термины, определяющие артистов женского и мужского пола – «онна-гейша» и «отоко-гейша» соответственно [4]. В данной статье речь пойдет о гейше женского пола. В разные периоды было написано множество трудов, опровергающих поверхностный взгляд на такой тонкий и многогранный феномен, как женщина-гейша, но до сих пор в западных странах полностью не искоренен стереотип, характеризующий гейшу как девушку с заниженной социальной ответственностью. Книга Минеко Ивасаки “Geisha of Gion” [7] («Гейша из района Гион»), являясь автобиографическим романом некогда самой именитой и высокооплачиваемой гейши Японии, повествует реальную историю жизни японской женщины от первого лица – историю, лишенную стереотипных взглядов, выдумок и иллюзий.

В своем романе Минеко Ивасаки описывает действительность японской гейши посредством английского языка. Помимо того, что структура английского языка сложна представителям восточных стран ввиду абсолютно разных буквенных обозначений и грамматического строя, в английском также существует множество лексических лагун, связанных с понятиями, обозначающими исконно японские реалии. Перед автором стояла вдвойне сложная задача, что делает ее работу еще более интересной и заслуживающей внимания исследователей.

Только в предисловии, которое занимает всего 4 страницы, автор употребляет 40 разных понятий, обозначающих реалии японской традиционной культуры, а конкретно – жизнеустройства гейш. Во всех случаях автору необходимо использование транслитерации, поскольку в западной культуре не существует эквивалентных явлений и понятий, что создает понятийные языковые лагуны. В свою очередь, этот факт объясняет отсутствие и точного перевода терминов. Соответственно, автор книги употребляет японские термины, транслитерированные латиницей, и примерный английский эквивалент, зачастую прибегая к объяснительному переводу. По словам самой писательницы, ей было довольно сложно передавать традиционно японские реалии, пользуясь средствами иностранного языка.

Название книги “Geisha of Gion” («Гейша из района Гион»), или “Geisha, a life” («Жизнь гейши»), на русский язык переведено как «Настоящие мемуары гейши». Поскольку это произведение является не художественным романом, а описанием реальной жизни реального человека, лингвистический анализ представляется более оправданным и правдоподобным, ведь женщина повествует о своей настоящей судьбе как гейши, используя актуальный язык, присущий представительнице слабого пола ее национальной и профессиональной принадлежности. Первый японский термин, употребленный в книге, – *geiko* (гейко) является эквивалентом понятия *geisha* (гейша) на «правильном» языке гейш района Гион Кобу. Такое начало задает тон всему произведению, показывая, что в таинственном мире гейш царят совершенно особенные, тонкие, но незыблемые правила самоидентификации, в том числе и языковой.

Несмотря на то, что на «правильном» языке района Гион Кобу гейшу следует именовать гейко, самым часто употребляемым термином в предисловии является именно понятие «гейша», так как оно широко известно среди англоязычных читателей и вообще по всему миру. Это понятие повторяется в авторской преамбуле 9 раз. Автор использует лингвистический прием транслитерации для передачи этого японского понятия средствами английского языка, а также добавляет объяснительный перевод, поскольку термин «гейша» окутан множеством мифов и не вполне корректных дефиниций. Минеко Ивасаки пишет: “...there are special districts, known as *karyukai*... the communities where the professionally trained female artists known as *geisha* live and work” [Ibidem, p. vi]. / «...существуют особые районы, известные как карюкай... общины, в которых живут и работают профессионально обученные артистки, известные как гейши» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. М.). Поскольку в японском языке у существительных отсутствует понятие грамматического числа и в разном контексте одно и то же слово может означать как один предмет, так и множество, автор книги передает эту особенность японской грамматики, не добавляя к словам *karyukai* (карюкай) и *geisha* (гейша) окончание *s*, которое в английском языке указывает на множественное число имени существительного, хотя в тексте идет речь о многих объектах. Как в японском, так и в английском языках не существует понятия грамматического рода у существительных, поэтому то, что на русском можно передать одним словом, добавив окончание, указывающее род, – «артистка», по-английски приходится выражать с использованием объяснительного прилагательного – “female artist” (творческая личность женского пола). Такое слияние языковых норм разных стран создает совершенно особенную двуликость произведения, с одной стороны, у него «свое собственное лицо, с другой – лицо, обретаемое в результате лингвистического контакта с другим языком и обществом» [5, с. 44].

Итак, понятие «гейша» автор определяет как «профессионально обученные артисты женского пола», которые обитают и зарабатывают себе на жизнь в специально отведенном для этого месте – карюкай. Эту японскую реалию Минеко Ивасаки помимо транслитерирования поясняет на английском языке при помощи метафоры “the flower and willow world” [7, p. 1] («мир цветов и ив»). Далее писательница объясняет такую дефиницию: “Each geisha is like a flower, beautiful in her own way, and like a willow tree, gracious, flexible and strong” [Ibidem, p. vi]. / «Каждая гейша подобна цветку – по-своему красива – и дереву ивы – грациозна, гибка и сильна». В таком сравнении кроется издавна сформировавшаяся традиция японцев отождествлять себя с природой, существовать с ней в гармонии, подгонять свою деятельность под ее требования. Эта традиция имеет под собой серьезную естественную подоплеку – неблагоприятный климат и земля с дефицитом

природных ресурсов и полезных ископаемых. Из-за постоянных губительных землетрясений японцы не понаслышке знают, что такое жить «одним моментом», радоваться настоящему мгновению; они научились наслаждаться преходящим, непостоянным, изменчивым. А горную скалистую местность, омываемую со всех сторон морем, и ее неблагоприятную почву жители Страны восходящего солнца из года в год обрабатывают с настойчивостью, упорством и трудолюбием. Таким образом, японцы не сетуют на уготованную им природой участь, а существуют с ней в согласии и единстве. Отсюда и общее любование цветением сакуры весной, а осенью – огненными листьями клена, и отождествление себя с природными явлениями, предметами. Итак, гейши красивы, как цветы, и грациозны, гибки и сильны, как ивы. Прилагательные *beautiful*, *gracious*, *flexible* (красивая, грациозная, гибкая) и *strong* (сильная) как нельзя лучше описывают не только феномен гейши, но и ее гендерную принадлежность. Особенно точны определения *flexible* (гибкая) и *strong* (сильная), которые могут употребляться в двух значениях – гибкая в прямом смысле, ведь гейша должна виртуозно обладать всеми видами традиционных танцев, и в переносном – гибкая в принятии решений, в сложных ситуациях с клиентами и т.д. Прилагательное «сильная» также может обозначать как силу в буквальном смысле – только на голове гейша вынуждена носить несколько килограммов прически, украшенной всевозможными уборами, не говоря уже о полном вечернем наряде. Минеко Ивасаки писала: “A full kimono with hair ornaments can easily weight 40 pounds” [Ibidem, p. vii]. / «Полностью кимоно с прической может с легкостью весить 18 кг». Употребление слова *easily* (легко; с легкостью) будто иронично подчеркивает японскую снисходительность и покорность внешним обстоятельствам, люди, кажется, «с легкостью» справляются с испытаниями, что уготовила им жизнь. И, опять же, необходимо быть сильной морально, чтобы справляться с невероятными нагрузками и конкуренцией с другими гейшами. Японкам в большей мере свойственно быть одновременно гибкими и сильными. По выражению журналиста-международника В. В. Овчинникова, главная черта, характерная для японцев, – гармоничное сочетание гибкости и стойкости. Это относится и к заимствованию Японией зарубежной культуры и опыта: «Япония меняется... по-японски: меняется ради того, чтобы... оставаться... собой. <...> ...ее восприимчивость к новому не означает готовности отказаться от своеобразных черт» [2, с. 214].

Углубляясь в детали жизни гейши, автор книги разводит это понятие на два более узкоспециализированных термина. “We don’t refer to ourselves as *geisha* (meaning *artist*) but use the more specific term *geiko*, *woman of art*” [7, p. vii]. / «Мы не относим себя к гейшам (что означает “человек искусства”), а используем более узкий термин “гейко” – “женщина искусства”. Вторым понятием, относящимся к ремеслу гейши, является слово «майко», которое писательница объясняет так: “One type of *geiko*... is the young dancer known as a *maiko*, or “*woman of dance*”” [Ibidem, p. viii]. / «Один из видов гейко... молодая танцовщица, известная как майко, или “женщина танца”». Итак, термин «гейша» являет собой собирательный образ человека искусства, а традиционную «девушку в кимоно» точнее называть «гейко» – «женщина искусства», или «майко» – «женщина-танцовщица», которая является нижним звеном в иерархии гейш.

Как упоминалось выше, гейши жили и работали в специально отведенных для этого районах *karyukai* (карюкай). Далее, повествуя о жизнеустройстве девушек искусства и танца, автор вводит понятие *okiya* (окия), обозначающее обиталище работниц: “*Maiko* and *geiko* start off their careers living and training in an establishment called an *okiya* – a lodging house, usually translated as «*geisha house*»” [Ibidem]. / «Майко и гейко начинают свою карьеру, живя и обучаясь в учреждении, названном окия – арендуемом жилище, обычно переводимом на английский как “дом гейш”». Во-первых, вместо общепринятого понятия «гейша» Минеко Ивасаки уже использует специализированные термины «майко» и «гейко», показывая, насколько важна иерархия и в мире изящного искусства, во-вторых, новое понятие «окия» она снова выражает при помощи транслитерации, объяснительного перевода, а также примерного английского эквивалента. Совокупность нескольких лингвистических приемов свидетельствует о сложности передачи японской культуры на английском языке, и то это сделать удастся лишь примерно, т.к., по словам автора, упомянутый японский термин обычно переводят определенным образом, но она не утверждает, что этот перевод точный. Подобный пример можно увидеть в следующих предложениях: “...a *geiko* who has been designated as an *atotori*, an heir to the house, its successor” [Ibidem, p. ix]. / «...гейко, которой надлежит стать “атотори”, преемницей дома, его наследницей» (автор использует транслитерацию, а также объяснительный перевод); “*Maiko* and *geiko* perform at a very exclusive banquet facilities known as *ochaya*, often translated literally as «*tea house*»” [Ibidem]. / «Майко и гейко выступают на эксклюзивных банкетах, известных как “очая”, что зачастую дословно переводится как “чайный дом”» (здесь писательница тоже прибегает к транслитерации и, помимо этого, дает калькированный перевод понятия).

Поверхностно введя читателя в тайную жизнь гейши, писательница рассказывает о своем происхождении и знакомит нас со своей семьей. Называя членов своей семьи, автор репрезентирует в тексте национальную особенность японцев в употреблении имен собственных. Сначала Минеко Ивасаки представляет своего отца: “His name was *Shigezo Tanakaminamoto* – *Tanakaminamoto* no *Shigezo* in classical Japanese usage” [Ibidem, p. 2-3]. / «Его звали Сигезо Танакаминамото – Танакаминамото но Сигезо в традиционной японской манере». В первой части предложения писательница использует имя собственное по западным правилам – за именем следует фамилия, а во второй части уточняет, как правильно использовать имена в японской культуре – сначала фамилия, затем имя. Частица *no* обозначает притяжение, то есть если английский вариант *Shigezo Tanakaminamoto* переводится просто «Сигезо Танакаминамото», то японский вариант *Tanakaminamoto no Shigezo* обозначает «Сигезо, принадлежащий Танакаминамото», или «Сигезо из рода Танакаминамото». Такая особенность, опять же, относится к дихотомии «индивидуализм – коллективизм». Западный человек, представляясь, называет лично себя, свои собственные имя и фамилию, тогда как японец

на лингвистическом уровне подчеркивает свою принадлежность определенному роду. Когда писательница говорит о своем прадедушке, она употребляет его имя сразу по японским правилам: "...my great-grandfather, Tanakaminamoto no Sukeyoshi..." [Ibidem, p. 3]. / «...мой прадедушка, Сукеёси из рода Танакаминамото...».

Далее, говоря о семействе в целом, автор использует английские правила грамматики, употребляя определенный артикль и фамилию семьи с окончанием множественного числа *s*: *The Tanakaminamoto line; the Tanakaminamotos* (линия Танакаминамото; семья Танакаминамото). В тексте есть еще один пример, где автор сначала пишет имя в японском стиле, а упоминая его во второй раз, использует английскую схему: "Our lineage was founded by Fujiwara no Kamatari...The Fujiwara family..." [Ibidem]. / «Нашим родоначальником стал Фудживара но Каматари... семья Фудживара». Таким образом, писательница одновременно адаптирует японские реалии для англоговорящего читателя и демонстрирует различия в западном и восточном менталитетах.

Следующий пример, как и вышеупомянутые, содержит имя собственное, но также еще одно понятие, транслитерированное латиницей и употребляемое впервые, поэтому выделенное курсивом, к которому автор дает объяснительный перевод: "Fujiwara no Motomi was awarded the rank of *daitoku* (the highest rank of court minister as established by Shotoku Taishi)" [Ibidem]. / «Фудживара из рода Мотоми был возведен в ранг даитоку (высший ранг)». Минеко Ивасаки в своей книге выделяет курсивом японские традиционные понятия, переданные в английском дискурсе посредством транслитерации, для того чтобы подчеркнуть их необычность и самобытность, принадлежность к японским этническим реалиям. Примечательно то, что слово *kimono* автор не выделяет курсивом, употребляя в книге впервые. Это означает, что данная лексическая единица настолько прочно вошла в английский язык, что у большинства западных читателей не вызывает непонимания и вопросов о ее значении. Поэтому Минеко Ивасаки также не дает объяснительного перевода этого слова. Первое предложение, в котором встречается термин «кимоно», уже упоминалось выше – "A full kimono with hair ornaments can easily weight 40 pounds" [Ibidem, p. vii]. / «Полностью кимоно с прической может с легкостью весить 18 кг». Акцент в нем ставится не на самой реалии, а на ее характеристике, которая менее известна за пределами Японии, нежели сам термин.

Следующее, довольно распространенное за пределами Японии понятие – *tatami* (татами) – автор впервые упоминает в предложении "We all rushed around in a frenzy taking up the *tatami* mats" [Ibidem, p. 9]. / «Мы носились как безумные, сворачивая татами». Хотя это слово тоже широко известно в западной культуре, но все же меньше, нежели кимоно. Поэтому Минеко Ивасаки не дает объяснительного перевода этого понятия, но выделяет его курсивом и добавляет английское слово "mat", как бы уточняя, о чем конкретно идет речь.

Нижеследующий пример является ярким с точки зрения кросс-культурного анализа. Известно, что гейши бывали на встречах в самых высоких кругах [4]. Однажды Минеко Ивасаки была приглашена на вечер к принцу Чарльзу. Гейша описала очень значимую сцену, произошедшую на этой встрече и выявляющую радикально разные культурные составляющие Японии и Англии. Во время вечера принц Чарльз неожиданно выхватил у гейши из рук веер и оставил на нем свой автограф. Далее приведена ее реакция на происшедшее:

"Oh no! I thought, aghast. I loved that fan. I couldn't believe he had signed it without asking me. I don't care who he is... That is really rude. He began to hand it back to me, obviously thinking that I would be pleased by his gesture.

In my best English I said, 'I would be honoured if you would accept this fan as a gift from me. It is one of my favourites'.

He looked perplexed. <...>

'I have to attend another banquet, and it would be rude to the host if I am carrying something with someone else's signature on it'.

<...> It just felt to me as though Prince Charles had defaced something precious" [7, p. 236]. / «О, нет! Я была в ужасе. Я любила этот веер. Я не могла поверить, что он расписался на нем, не спросив моего разрешения. Мне неважно, кто он... Это очень грубо. Он протягивал веер мне обратно, явно думая, что такой жест должен мне польстить».

На своем лучшем английском я сказала: "Я сочла бы за честь, если бы вы приняли этот веер в качестве подарка от меня. Это один из моих любимых".

Он выглядел потрясенным. <...>

"Мне предстоит посетить другой банкет, и по отношению к хозяину будет грубо принести что-то с чужой росписью".

<...> Я только чувствовала, будто принц Чарльз испортил нечто очень ценное».

Этот безобидный на первый взгляд инцидент на самом деле раскрывает очень важную культурную черту японцев. Именно поэтому, такое, казалось бы, незначительное происшествие, как роспись на предмете, приводит к бурной реакции и долгому монологу девушки.

Тогда как западного человека воспитывают в духе индивидуализма, приучают к развитию своих талантов, выражению собственного «я», Японии свойственно прививать своим гражданам коллективистские взгляды, японцы считают дерзким и недопустимым выставлять себя напоказ, добиваться успеха своими личными умениями, для них главное – работа в команде, коллективный дух [8]. С этим связан и обычай в Англии при знакомстве называть только имя собственное, а в Японии – присовокуплять к нему и название фирмы, в которой человек работает, так как для японца чрезвычайно важно принадлежать к определенной группе, и своей приверженностью определенному коллективу японец непременно гордится.

Здесь находит свое оправдание понятие «гири», означающее долг чести, согласно которому японцу недопустимо доводить спор или любую неоднозначную ситуацию до прямого противодействия и полного выигрыша одного из оппонентов, ведь одно из основных правил морали для них – не допустить, чтобы собеседник «потерял лицо». Долг чести – это исконно японское понятие, не имеющее под собой ни философской,

ни религиозной основы. Такое отношение к жизни, к окружающим людям воспитывается у японцев с самого детства. Моральный долг иногда предписывает японцу поступаться собственными интересами в угоду интересам общества, своего собеседника [2, с. 139].

Поэтому гейша и говорит о принце Чарльзе, что ей неважно, «кто он», самое главное, чтобы следующий клиент не был обижен, «не потерял лицо». Длинное вежливое предложение принять ее веер в качестве подарка, обращенное к принцу Чарльзу, проистекает из японской национальной черты никогда не произносить слово «нет» и не изъясняться прямо, четко и ясно. «Умение... прямолинейно выражать свои мысли несовместимо с японским представлением об учтивости», – пишет В. Овчинников [Там же, с. 161]. Поэтому вместо того, чтобы выразить вслух свое негодование, пусть и в вежливой форме, и прямо отказаться принять веер обратно, гейша будто противоречит своим мыслям и подбирает самые изысканные речевые обороты. Тогда как мысленно она два раза повторяет *rude* (грубо), *really rude* (действительно грубо), обращаясь вслух к собеседнику, как истинная японская женщина, Минеко Ивасаки употребляет в речи очень вежливые формы *would be honoured* (сочла бы за честь); *would accept* (приняли бы) и завершает словами *it's one of my favourites* (он один из моих любимых), выказывая таким образом истинное почтение к оппоненту, ведь ей не жалко отдать ему самое ценное [9]. Далее в ходе ее мыслей возникает фраза *defaced something precious* (испортил что-то драгоценное). Героиня неспроста употребляет именно слово *something* (что-то), не уточняя, о какой именно вещи идет речь, ведь главное не то, что конкретно испорчено, а то, что оказано неуважение к собеседнику, выказан тот самый дух эгоистичного индивидуализма, который так свойственен западному миру и совершенно недопустим в японской культуре.

Одним из показательных моментов в репрезентации японской этнической и гендерной идентичности является эпизод из детства Минеко Ивасаки, носившей в ту пору имя Масако, которое ей дали биологические родители. Однажды Масако, как обычно, отправилась в курятник за яйцами, но курица неожиданно ее клюнула. Ничего необычного, привычная бытовая ситуация для людей с собственным хозяйством, но для отца девочки, этнического японца, этот повод оказался весомым для того, чтобы преподать урок своим детям, научить их одной из национальных японских ценностей. Во-первых, он поднял курицу и сказал: “I'm going to kill you for this” [7, p. 10]. / «Я убью тебя за это». В грамматической конструкции данного предложения передана уверенная мужская речь, конкретные планы, которые неизбежно будут исполнены. Хотя «преступление» и несерьезное, с нашей точки зрения, но по японским понятиям нарушен принцип не задеть самолюбия другого человека, не дать ему упасть лицом в грязь, а значит, «преступник» недостоин жизни и заслуживает смерти. Уважать себя – значит, в первую очередь, проявлять уважение к собеседнику. Это правило отец демонстрирует детям наглядно на примере курицы.

Вечером отец собрал всю семью, показал мертвую курицу детям и сказал: “Take a good look at this and learn something from it. The foolish creature took a bite out of our precious Masako, and it ended up dead as a result. Remember: it is never acceptable to hurt other people or cause them pain. I will not permit it!” [Ibidem, p. 10-11]. / «Внимательно посмотрите на нее и усвойте один урок. Глупое создание клюнуло нашу драгоценную Масако и поплатилось за это жизнью. Запомните: *никогда* нельзя ранить чьи-то чувства или делать больно другим. *Я этого не позволю!*». Отец просит детей обратить пристальное внимание на то, что может случиться, если не следовать общепринятым правилам. Но не только вид мертвой курицы представляется как доказательство, а и сама лингвистическая репрезентация устоев выстроена таким образом, чтобы отклонение от общих правил вызывало стыд, чтобы человек чувствовал себя изгоем. Курицу, «нарушившую правила», папа называет глупым существом, а дочку, в отношении которой эта курица «поступила неправильно», величает драгоценной Масако. Здесь еще играет роль и то, что отец и по гендерной принадлежности, и по возрасту, согласно семейной иерархии японцев, является главой семьи, «старшим по званию», значит, его слово – закон, к нему прислушиваются, ему верят и подчиняются априори. Поэтому у детей не возникает никаких сомнений, что человек, следующий правилам, – «драгоценный», одобряемый обществом, а тот, кто идет против общества, против правил, – глупый, достоин порицания. Такой национальный стереотип формируется у японцев с самого детства, и большинство неукоснительно следуют ему всю жизнь.

После преподанного урока одной японской национальной культурной черты папа перешел к другому. Из курицы сварили суп, и за трапезой отец обратился к дочери со следующими словами: “Masako, you have to forgive Nikki. Most of the time she was a good chicken. You should eat so that Nikki can attain Buddhahood” [Ibidem, p. 11]. / «Масако, ты должна простить Никки. Большую часть жизни она была хорошей курицей. Тебе следует поесть, чтобы Никки могла достичь Нирваны». Детей также учат умению прощать, в реплике отца писательница не зря употребляет конструкцию *have to* (должен), это значит, что простить было бы правильным с точки зрения общественного предписания, нужно простить, чтобы одобрило общество, чтобы быть настоящим достойным человеком. Дальше отец говорит о том, что в целом Никки была хорошей, то есть детей учат тому, что изначально все хорошие, существуют лишь определенные единичные «правонарушения», которые надлежит в итоге прощать, но тем не менее наказание должно следовать непременно. Такой подход демонстрирует так называемые «двойные стандарты» японской культуры, ее неоднозначность.

Такие же «двойные стандарты» царят и в мире религии и веры Японии. Известно, что в Стране восходящего солнца мирно уживаются две религии, представляющие полные противоположности во взглядах – буддизм и синто. Буддизм укоренился на японских островах как вера аристократов, сложная религия с устоявшимися философскими взглядами. Синто же являлся верой для простых людей, с более понятными для них воззрениями – почитанием предков и обожествлением природы. Вместо того, чтобы враждовать, обе религии влились одна в другую, дополнили друг друга: буддисты превратили многочисленных синтоистских святых

в лики Будды, а синтоисты называли Будду одним из проявлений божественного начала [2, с. 29-30]. Такое мирное сосуществование двух непохожих религий является следствием японской черты не допускать прямого соперничества и уважать честь других. Минеко Ивасаки происходила из знати – ее отец был потомком древних аристократов и феодалов, – поэтому их семья исповедовала буддизм.

Согласно японским моральным устоям, добродетелями являются труд и учение. С детства японцев приучают к групповому учению. В быту распространены слова «учить других всегда почетно, учиться у других – никогда не зазорно». Хотя эти высказывания В. Овчинников приурочивал к народному образованию, учебе в университете, они в полной мере оправдывают себя и в семейном кругу. Во-первых, глава семьи использовал ничем не примечательную ситуацию как предлог для учения, во-вторых, вместо того, чтобы озвучить ее мораль конкретному человеку, в ней задействованному, он собрал всю семью и преподал урок всей группе детей [Там же, с. 169].

Другим примером группового научения может служить эпизод, в котором дети, играя, забрали из кухни всю посуду и не признавались, кто именно это сделал. Тогда отец опять же собрал всех и наказал, ударив каждого по очереди бамбуковой палкой. Минеко Ивасаки пишет об этом так: “My father prepared to mete out his customary punishment in which he lined them up and hit each one over the head with a bamboo sword”, “You too, Masako. You’re part of this” [7, p. 12-13]. / «Мой папа приготовился исполнить свое обычное наказание, поставить всех в ряд и ударить каждого по голове бамбуковой палкой», «Ты тоже, Масако. Ты часть всего этого». Автор говорит об этом наказании *customary punishment* (обычное наказание), то есть это постоянная привычная практика, которая демонстрирует, что за каждым проступком следует расплата, и она носит характер круговой поруки. Если кто-то из определенной группы в чем-то провинился, то виноват весь коллектив, ведь каждый человек, являясь частью какого-либо общества, ответственен за его деяния. Отсюда же и случаи самоубийства из-за неудач в сфере карьеры. Человек, терпящий поражение на работе, не столько считает себя неудачником, сколько виновным в том, что подвел коллектив, не оправдал ожиданий семьи (в Японии «семья» для любого работающего гражданина – это, в первую очередь, его коллеги из фирмы, на которую он трудится), а значит, он достоин умереть. Такое отношение формируется с детства, когда детям учат принадлежать к группе и физически чувствовать себя частью всего, что в ней происходит. Поэтому неважно, кто именно из детей провинился, важнее то, что каждый ребенок является членом данной семьи, а значит, должен понести наказание за провинность своего коллектива, о чем дословно и говорит отец: “You’re part of this”. / «Ты часть всего этого».

Подводя итог, можно отметить, что профессия гейши на деле не окутана сказочным ореолом легкой жизни, полной удовольствий, это огромный труд, требующий подчинения жесткой дисциплине и большой затраты времени и сил. С детства японок приучают к четкому выполнению правил, коллективизму. В романе преобладают слова “work” (работа/работать) и “dance” (танец/танцевать) и отсутствуют лексические единицы, указывающие на телесное наслаждение, с которым, как правило, люди западной культуры ассоциируют понятие «гейша».

Список источников

1. Дмитриева И. И. Гейша – носительница традиций Японии // Дискурс-Пи. 2004. Т. 4. № 1. С. 81-85.
2. Овчинников В. В. Сакура и дуб. М.: АСТ, 2015. 605 с.
3. Проколова Т. И. Очерки о Японии: в 3-х ч. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. Ч. 1. 365 с.
4. Проколова Т. И. Очерки о Японии: в 3-х ч. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. Ч. 3. 287 с.
5. Сорокин Д. Д. Стилистический и лингвокультурологический аспекты метафоры в контактной литературе (на материале романа Катрин Лим «Песня серебряной ветки папоротника») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 2. С. 44-47.
6. Шиняк Д. В. Отоко-гейши как часть традиционной японской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. 1. С. 209-211.
7. Iwasaki M. Geisha of Gion. L: Simon & Schuster, 2002. ix+334 p.
8. Stanlaw J. Japanese English: Language and culture contact. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2009. 389 p.
9. Sunderland J. Language and Gender. N. Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 385 p.

THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE TRADITIONAL IMAGE OF GEISHA IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL “GEISHA OF GION” BY MINEKO IWASAKI

Mukhametova Anna Il'yasovna
Far Eastern Federal University, Vladivostok
einenacht@yandex.ru

The article is devoted to the identification of the English linguistic units representing the national way of life of the Japanese society, the life values of geishas. The paper analyzes the transformations of lexical units of the Japanese language in the rendering of gender-determined lexical units and grammatical constructions of the English language in the English discourse, which are characteristic for the speech of representatives of the Japanese ethnic group. The author examines the clash of worldviews of representatives of the Western and Eastern countries, the linguistic representation of cultural differences.

Key words and phrases: the Eastern worldview; Japanese culture; Western culture; linguistic representation; ethnic features; gender; geisha.